

НЕПРЕОДОЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Русская Революция — это не 1917 год с его Февральской и Октябрьской революциями. Это и не революция 1905–1907 годов плюс 1917 год. Хотя все три революции — важнейшие ее события. На мой взгляд, Русская Революция — это историческая эпоха между примерно 1860 и 1930 годами. Семьдесят лет, жизнь человека, жизнь поколения. Она началась реформами Александра II и закончилась победой Сталина и сталинцев во внутрипартийной борьбе, сворачиванием НЭПа и коллективизацией. Русская Революция — это период русской истории между отменой крепостного порядка (права) и установлением второго крепостного порядка (права) большевиков — ВКП(б).

Содержанием и целью Русской Революции была эмансипация общества и индивида. К весне 1917 года эта цель была достигнута. После этой победы движение повернулось вспять, в сторону восстановления рабства

Имея в виду грандиозные изменения, которые происходили в России в 60–80-е годы XIX века, Ф. Энгельс в 1893 году говорил: «Освобождение крестьян в 1861 г. и связанное с ним — отчасти как причина, а отчасти как следствие — развитие крупной промышленности ввергли эту самую неподвижную из всех стран, этот европейский Китай, в экономическую и социальную революцию» (1). Добавлю: это было также революцией в социальной психологии

Юрий Сергеевич Пивоваров — директор ИНИОН РАН, академик РАН, доктор политических наук, профессор

и массовой ментальности. В начале XX столетия Революция обрела политическое измерение. Таким образом, она носила универсальный (для русского общества) характер.

Содержанием и целью Русской Революции была эмансипация общества и индивида. К весне 1917 года эта цель была достигнута. После победы движение повернулось вспять, в сторону восстановления рабства: семнадцатый год был пиком, русская история взлетела к свободе и, не удержавшись, рухнула вниз.

Рассмотрим русские революции в Русской Революции. Иначе мы не сможем уяснить, чем был Октябрь 1917-го.

Одно из больших исторических заблуждений состоит в том, что революция 1905–1907 годов квалифицируется как «неудачная» и «незаконченная», как «репетиция» и «прелюдия» к настоящей революции 1917 года. С моей точки зрения, эта революция, во-первых, была успешной (насколько вообще революция может быть успешной, поскольку это всегда трагедия). Во-вторых, она вполне сопоставима с некоторыми европейскими революциями, скажем, с революцией 1848–1849 годов. Причем сопоставима и по характеру, и по интенсивности протекания, и по результатам.

Главная удача революции 1905–1907 годов в том, что она завершилась компромиссом между властью и обществом, но не победой одной из этих двух сил. Результатом этого компромисса стали Конституция 23 апреля 1906 года, широкая политическая реформа и столыпинское преобразование страны.

Широкая политическая реформа означала признание за большей частью подданных империи политических прав и допуск их к управлению (и здесь было продолжено более чем вековое дело).

Столыпинский же план предполагал изменение социальных, экономических и правовых условий жизни русского народа. То есть этот план не сводился только к решению крестьянского вопроса (хотя это и было его сердцевиной), но затрагивал страну в целом, во всех измерениях.

Что касается Февральской революции, то она — и в этом ее отличие от революции 1905–1907 годов — не была исторически «запрограммирована». Даже состоявшись, она имела возможности развиваться иначе. И в этом ее отличие от Октябрьской революции.

Главная удача революции 1905–1907 годов в том, что она завершилась компромиссом между властью и обществом. Но не победой одной из этих двух сил

Почему же произошла Февральская революция? Ставя этот вопрос, я имею в виду не влияние войны, не неэффективные, а порой безответственные действия властей, не «заговор» военных, не недалекость и безответственность «общественников», не стечение обстоятельств (снежная зима, затруднения в снабжении Петрограда хлебом и тд.).

Февральская революция себя исчерпала. Она не сумела построить новую, демократическую Россию. Но ведь это уже задача послереволюционная

Февральская революция произошла потому, что, к сожалению, ни общество, ни власть не поняли: революция уже состоялась — в 1905–1907 годах; максимум того, что общество могло тогда «переварить», оно получило; на максимум того самоограничения, на которое тогда могла пойти власть, она пошла. Таким образом, всем следовало оставаться в рамках исторического компромисса власти и общества

Вот уже почти 90 лет историки задаются вопросом: куда подевалось общество летом–осенью (особенно осенью) 1917 года? А ведь оно имело за плечами немалый политический опыт, умение самоорганизоваться, разветвленную по всей России сеть различных союзов

и в рамках Конституции. Может быть, после войны эти рамки и расширились бы. Так что виновны обе стороны: царь и бюрократия стремились к сужению этих рамок, общество стремилось их раздвинуть.

Зимой 1917 года власть, казалось, не знала что делать. Дунул теплый мартовский ветер, и императорскую Россию сдуло. Сто лет отчаянной, смертельной борьбы с царским режимом, а финал схватки — почти оперетта. Почему? Вот главный вопрос Февральской революции.

А потому, что русское государство, русская институциональная система, даже русская полицейщина — при всей их грозности, грузности, громадности — были чрезвычайно неустойчивы, неэластичны, неэффективны, чрезвычайно хрупки и ненадежны.

Вот и тогда, в начале 1917 года легкий мартовский ветер, по нашему мнению, снес Россию как Институт. А власть царь сдал добровольно (и противозаконно: нарушил и Конституцию, и закон преемства Павла о престолонаследии). Либералы (всех оттенков, включая консервативных) и социалисты (всех оттенков, включая радикальных) получили страну в свои руки.

Но вот уже почти 90 лет историки задаются вопросом: куда подевалось общество летом–осенью (особенно осенью) 1917 года? А ведь оно имело за плечами немалый политический опыт, умение самоорганизоваться, разветвленную по всей России сеть различных союзов, партий и тд., оно имело деньги. К примеру, современный российский исследователь В.М. Шевырин убедительно показывает нам громадную по размаху деятельность Всероссийского союза городов, Земского союза и Центрального Военно-промышленного комитета в годы мировой войны. Скажем, в Союз городов входило 630 городов, а в Земский союз — 7728 учреждений. Они организовывали госпитали, пункты питания, стирку белья, бани, помогали беженцам. Они были активны в тылу, на фронте, на путях следования войск, раненых и беженцев (2). Почему же их противостояние тенденциям, которые вели к Октябрю, оказалось неэффективным?

Ответ на этот вопрос связан с ответом на главный вопрос русской революции: что такое Октябрь 1917 года? И мы его не получим, если не скажем о еще одной Революции, которая развивалась в России параллельно и синхронно Русской Революции. Это была Революция крестьянства, т.е. революция подавляющего большинства населения страны.

Следовательно, чтобы уяснить, что происходило в России между примерно 1860 и 1930 годами, надо исходить из факта двух одновременных, «пересекающихся», но самостоятельных революций. Каждая из них имела свои собственные содержание и смысл, характер и цели.

Но почему две революции? Это следствие фундаментального раскола России на две субкультуры, случившегося в результате преобразований Петра I.

Об этом в свое время точно сказал В.О. Ключевский: «...Из древней (допетровской. — Ю.П.) и новой России вышли не два смежных периода нашей истории, а два враждебных склада и направления нашей жизни, разделившие силы русского общества и обратившие их на борьбу друг с другом вместо того, чтобы заставить их дружно бороться с трудностями своего положения» (3). До Ключевского об этом говорил А.И. Герцен: «Две России с начала XVIII столетия стали враждебно друг против друга. С одной стороны была Россия правительственная, императорская, дворянская, богатая деньгами <...>. С другой стороны — Русь черного народа, бедная, хлебопашенная, общинная, демократическая, безоружная, взятая врасплох, побежденная...» (4)

Итак, возникли две России — не понимающие друг друга, различающиеся по всем базовым цивилизационным и культурным характеристикам. Обе они зажили собственными жизнями. Но необходимо подчеркнуть: будущие фигуранты Русской Революции — власть и общество — принадлежали к одной субкультуре. Верхней, европеизированной, созданной Петром Великим. Этот раскол России во многих отношениях определял ее историческое развитие в XVIII–XIX столетиях. Таким образом, каждая из двух субкультур переживала свою собственную революцию.

Большевистский дележ проходил и в промышленности (фабзавкомы и «рабочий контроль» свелись к разделу доходов, имущества, оборудования предприятий), и в армии (солдаты грабили арсеналы, склады и т.д.), и в государственной сфере

Теперь о крестьянской Революции. У нее было несколько измерений. Одно из них — знаменитый «аграрный кризис». Его диспозиция такова: демографический взрыв второй половины XIX — начала XX века привел к перенаселению в деревне; к этому времени были распаханы все доступные тогда целинные земли, экстенсивный же характер земледелия сохранялся; в общине началось имущественное расслоение на богатых, средних и бедных. Ситуация становилась потенциально взрывоопасной.

Сначала ведомое С.Ю. Витте «Особое совещание по сельскохозяйственным нуждам» (1902–1905) пыталось теоретически разобраться с этой проблемой, затем П.А. Столыпин и его последователи (1907–1914) пытались решить ее практически. Однако спровоцированная Февралем общинная революция покончила со столыпинской реформой, почти полностью уничтожив ее результаты.

А 28 июня 1917 года Временное правительство (инициатива министра-эсера В.М. Чернова) приняло решение, запрещавшее столыпинскую разверстку земли и фактически частную собственность на землю.

Самодержавно-помещичья социальная гармония закончилась, когда разразился «аграрный кризис». Экстенсивно-передельный инстинкт Всероссийской Общины выразился во все возрастающем стремлении к захвату помещичьих, государственных и прочих земель. Столыпинская земельная реформа вроде бы указала нормальный (не кровавый) путь выхода из этой крайне опасной для всех ситуации. Ее успехов нельзя недооценивать. Однако пришел 1917 год, и вновь поднялся уравнильно-передельно-захватный общинный вал.

Вот здесь-то большевики и оказались у кассы истории. И взяли ее. Непопулярный в научных кругах Р. Пайпс пишет: «Есть в русском языке слово “дуван”, заимствованное казаками из турецкого языка. Означает оно дележ добычи, которым обычно занимались казаки южных областей России после набегов на турецкие и персидские поселения. Осенью и зимой 1917–18 гг. вся Россия превратилась в предмет такого “дувана”. Главным объектом дележа была сельскохозяйственная собственность, которую Декрет о земле от 26 октября 1917 г. отдал для перераспределения крестьянским общинам. Именно этим переделом добычи между крестьянскими дворами в соответствии с нормами, которые свободно устанавливала каждая община, и занимались крестьяне до весны 1918 г. На это время они потеряли всякий интерес к политике» (5).

Молодцы большевики! Нашли дело для русского народа. А сами в январе 1918 года провели еще одну революцию — разогнали Учредительное собрание и самоучредились в Советскую республику.

Большевистский дележ проходил и в промышленности (фабзавкомы и «рабочий контроль» свелись к разделу доходов, имущества, оборудования предприятий), и в армии (солдаты грабили арсеналы, склады и т.д.), и в государственной сфере. Да-да, государство тоже стало предметом передела. Итак: передел земли, фабрик и заводов, армейского имущества и — как высшая форма передела — власти государства.

Конечной «монадой», на которую передел власти не покушался, была волость. Здесь властный передел остановился. Внутри волости шел передел земельный. На границах волости — и это не случайно — встретились два главных русских передела. Напомню всем хорошо известное: слово «власть» происходит от слова «волость». То есть, видимо, волость является первичной ячейкой русской власти.

Кроме того, именно на волостных рубежах от энергий двух этих переделов (власти и земли) рождается ключевой феномен истории России — властесобственность. Фундаментальность волости хорошо понимал крупнейший российский государствовед, юрист и историк Н.Н. Алексеев (1876–1964): «Известное количество сельских советов объединяются в некоторое высшее целое, именуемое волостью. Эту административную единицу советский строй унаследовал от старой России — и не только петербургской, но и древней, московской <...>. Волость осталась в качестве органа местного крестьянского самоуправления после реформ императора Александра Второго. Большевики связали старую волость с советской системой...» (6).

Но все далеко не так просто с этой русской переделной общиной, учинившей революцию, которая смела результаты деятельности послепетровской европеизированной субкультуры. Исследования общины давно уже показали: ее экзистенция строится на двух противоречащих друг другу тенденциях-принципах-институтах — на становлении нормальной частной собственности на землю и на необходимости постоянно поддерживать принцип «равных для всех оснований» (перманентный передел). Общим местом исследований стало утверждение, что антагонистические отношения этих тенденций несли в себе зерно разрушения общины. В конечном счете должен был, полагали аналитики, победить один из двух принципов. Но они ошибались.

Эволюция общины после завершения общинной революции 1917–1922 годов и до начала коллективизации 1929 года показала: обе эти тенденции суть обязательные условия существования общины. Саморазвитие общины шло не в двух противоположных направлениях. Хотя это звучит парадоксально, но эти тенденции были лишь разными проявлениями одной «субстанции». Но субстанция общины тоже менялась. Община становилась более открытой миру, более гибкой, принимавшей теперь и определенное неравенство, и новые формы организации — кооперацию в первую очередь. То есть становилась более социально устойчивой, эффективной, адекватной русской современности. Становилась чем-то в духе Чаянова-Кондратова. Однако, как мы знаем, общине сломали хребет в 1929 году.

Так что же, большевики пришли к власти на волне общинной, крестьянской революции? На волне общенационального «дувана», место для которого было расчищено затуханием революции европеизированной субкультуры и подъемом той же общинной войны, развалом государства? Да, без этого большевики не победили бы.

Коммунисты занялись модернизацией страны, заковав ее в рабство. Они по-варварски взялись за дело, которое цивилизованно делали Витте и Столыпин

В 1917 году «столкнулись» две Революции. Столкнулись как поезда. И произошла историческая катастрофа. Оба поезда сошли с рельсов.

К весне-лету 1917 года Революция европеизированной субкультуры достигла всех своих целей. Здесь бы ей остановиться, передохнуть, «подумать» и начать строить. Но именно в этот момент в нее врзалась набравшая обороты Революция традиционалистской, крестьянской субкультуры. Большевики сумели сыграть на угасании одной Революции и подъеме другой. Развал государства и армии дал еще одну мощную и разрушительную волну.

И что бы ни говорили о вторичности Октября по сравнению с Февралем, к сожалению, «моментом истины» тех социальных процессов, которые тогда разворачивались в России, стала именно большевистская революция. Она радикализовала общинно-переделно-уравнительную революцию, способствовала «дувану» в общероссийском масштабе. Впоследствии коммунисты наложили лапу на этот передел, умыли всех кровью и подморозили-заморозили «Россию, кровью умытую». С оттепели 1950–1960-х годов началась разморозка.

И все-таки неужели Октябрьская революция была «лишь» производным двух революций и следствием войны, разрухи и т.д.? Нет. Она имела свою собственную природу. Каковую же?

Сначала приведу два гениальных пророчества относительно Русской Революции. Они принадлежат Льву Толстому и Карлу Марксу. И сделаны они примерно в одно и то же время: за полстолетия до 1917 года. Граф Толстой записал в свой дневник: «Всемирно-народная задача России состоит в том, чтобы внести в мир идею общественного устройства без поземельной собственности (т.е. без частной собственности на землю. — Ю.П.). «Собственность — кража» останется большей истиной, чем истина английской конституции, до тех пор, пока будет существовать род людской. Это истина абсолютная, но есть и вытекающие из нее истины относительные <...>. Первая из этих истин есть воззрение русского народа на собственность. Русский народ отрицает собственность самую прочную, самую независимую от труда (т.е. частную собственность вообще, как институт. — Ю.П.), и собственность поземельную. Это истина не есть мечта — она факт, выразившийся в общинах крестьян, в общинах казаков. Эту истину понимает одинаково ученый русский и мужик... Русская революция только на ней может быть основана. Русская революция не будет против царя и деспотизма, а против поземельной собственности...» (7).

Заметим, когда самодержавие стало мешать этому порядку, его убрали. Когда царь перестал быть деспотом, его расстреляли. А Россия эту свою идею «внесла в мир». То есть выполнила «всемирную задачу». Как и французская революция, которая окончательно утвердила идею и практику частной собственности. В этом смысле русская революция оказалась прямо противоположной французской.

Что касается Маркса, то его прогноз, думаю, не во всем пришелся «по душе» его победившим последователям: «...Настанет русский 1793 год; господство террора этих полуазиатских крепостных будет невиданным в истории, но оно явится вторым поворотным пунктом в истории России, и, в конце концов, на место *мнимой цивилизации* (выделено мною — Ю.П.), введенной Петром Великим, поставит подлинную и всеобщую» (8). Относительно «подлинной и всеобщей» Маркс ошибался, а вот предсказание «невиданного в истории террора» и гибели петровской «мнимой цивилизации» оказалось стопроцентно точным.

Теперь же укажем на историческую аналогию Октябрьской революции. В конце XVII столетия Русь была расколота на два «лагеря» (еще не субкультуры). Один лагерь был устремлен на Запад

и в будущее. Другой — на собственно русское прошлое. Церковный раскол четко зафиксировал это состояние. У «западников-прогрессистов» была программа реформ по модернизации страны (активная внешняя политика, предполагавшая борьбу за выход к Балтийскому и Черному морю, создание регулярной армии, оптимизация налоговой политики, развитие системы образования и т.д.). Важнейшим пунктом этой программы (ее главный выразитель кн. В.В. Голицын — «первый министр» царевны Софьи) было освобождение крестьян с землей. То есть у этой программы было существенное эмансипационное измерение. Кроме того, эта программа «предполагала» мягкую, осторожную вестернизацию и опору на традиционно-русско-православный фундамент. Разрыв с традиционной идентичностью, ментальностью, органикой ни в коем случае не входил в планы реформаторов.

Противостояние двух «лагерей», как мы знаем, было в высшей степени жестким. Один из наиболее ярких эпизодов этого противостояния зафиксирован русским изобразительным искусством — прения о вере в Грановитой палате летом 1682 года (диспут между патриархом Иоакимом и вождем староверов Никитой Пустосвятом в присутствии царевны Софьи).

А через двадцать лет не осталось ни тех, ни этих. Пришли другие люди, другие лица, другие планы. Пришел Петр и реализовал программу реформаторов... Только вместо освобождения крестьян он еще больше закрепостил их и все остальное население страны. То есть вместо реформ и свободы мы получили реформы и рабство. Вместо осторожно-деликатного внедрения западных ценностей и безусловного уважения к себе и своему прошлому получили варварскую вестернизацию и нигилизм по отношению к почвенной культуре. Причем если у реформаторов Петр «наследовал» программу, то у традиционалистов-староверов — страстную энергию, железную волю, «сектантскую» нетерпимость. Революция Петра, которую он обрушил на Россию, вышла из противостояния двух этих «лагерей». Он воспользовался их ограниченностью, «частностью» и «частичностью». Он противопоставил им свою революцию, которая началась «уничтожением» обоих лагерей и создала новую Россию.

Типологически схожей была большевистская революция. Она началась в апреле 1917 года с приезда Ленина в Петроград (так же, как петровская — после его возвращения из «великого посольства»). Революция большевиков покончила с двумя субкультурами императорского периода русской истории и поставила на их место новую Россию. Коммунисты заня-

лись модернизацией страны, заковав ее в рабство. Они по-варварски взялись за дело, которое цивилизованно делали Витте и Столыпин.

Конечно, это далеко не все, что следует знать об Октябре. Одна из важнейших тем в понимании Революции — это соотношение Февраля и Октября. Сколько об этом написано! Какие интеллектуальные силы участвовали в решении этой задачи! И что же?

Имеются две позиции. Первую занимают либералы, которые убеждены: Февраль — это хорошо, Октябрь — плохо. Октябрь есть отказ и отрицание Февраля. Вторую позицию занимают все остальные. Л.Д. Троцкий выразил ее в своей отвратительно-талантливой манере: «Февральская революция была только оболочкой, в которой скрывалось ядро Октябрьской революции. История Февральской революции есть история того, как Октябрьское ядро освобождалось от своих соглашательских покровов» (9).

Так же считает подавляющее большинство думающих о Революции. Такова и позиция А.И. Солженицына, на сегодня эксперта № 1 по всем революционным темам: «Если в Феврале было мало крови и насилия и массы еще не раскатились, то все это ждало впереди: и вся кровь, и все насилие, и захват народных масс, и сотрясение народной жизни... Наша революция разгуливалась от месяца к месяцу Семнадцатого года — вполне уже стихийно, и потом Гражданской войной, и миллионным же чекистским террором, и вполне стихийными крестьянскими восстаниями, и искусственными большевицкими голодами по 30, по 40 губерний — и, может быть, закончилось лишь искоренением крестьянства в 1930–1932 и перетряхом всего уклада в первой пятилетке. Так вот и катилась революция — 15 лет» (10, с. 78). Мастерски выстраивает Александр Исаевич сущностную хронологию Русской Революции: от исходной точки — Февраля — приходим к чекистскому террору. Изучая протоколы работы Временного правительства, он видит: «накатывается <...> продовольственная реформа <...>, через которую мы начинаем уже с мурашками угадывать большевицкие продотряды» (10, с. 74).

Какая же из этих позиций адекватна или хотя бы ближе к истине? Обе, и одновременно ни та и ни другая. Разумеется, правы либералы, защищающие свой Февраль. Сто лет послепетровская европеизированная субкультура шла к самоэмансипации и эмансипации русского общества. С 60-х годов XIX столетия, о чем мы уже говорили, в стране начались революционные изменения. Наконец, к Февралю 1917-го достигли всех целей. И содержательно

эта революция себя исчерпала. Да, она не сумела построить новую, демократическую Россию. Но ведь это уже задача послереволюционная...

Правы и сторонники второй позиции (вот парадокс: трудно найти менее схожие исторические фигуры, чем Троцкий и Солженицын, а в этом — ключевом для русских — вопросе, по сути дела, у них одна точка зрения). Конечно, Февраль развязал руки Октябрю. Событийно, конкретно-исторически одно перетекло в другое. И главные действующие лица всего этого как-то очень плавно и убедительно сменили друг друга. Сначала царская бюрократия и либерально-социалистическая общественность, затем либералы и социалисты, социалисты и большевики и, наконец, только большевики.

Тогда в чем же ошибочность обеих позиций? И та, и другая — поверхностны. Они не идут вглубь социальных процессов, развертывавшихся столетиями. Нужен принципиально иной взгляд на Русскую Революцию, иной подход к ней.

Вот три возможных взгляда на Русскую Революцию.

Первый. Русская Революция (1860–1930) была двойной комбинацией трех революций.

С одной стороны, это 1905 год, Февраль и Октябрь 1917 года (как нас учили в школе). С другой, — это Эмансипационная революция послепетровской европеизированной субкультуры, предвестниками которой выступили декабристы и которая победила весной 1917 года. Победила и почилла в бозе. Свои задачи она выполнила, а строить новое ей было не по силам, не по плечу. Далее. Общинная революция второй послепетровской субкультуры — традиционалистской, почвенной, старомосковской. Она началась весной 1917 года и, по мнению специалистов, закончилась к 1922 году. Ее результат: все пахотные земли России наконец-то принадлежали Общине, столыпинская же реформа — последнее, что могла предложить ей европеизированная субкультура, — была похоронена.

Второй. Ничего общего — содержательно — между двумя этими революциями не было. Это следствие послепетровского раскола на две субкультуры. Но дело происходило в одной стране, и потому эти революции «пересекались», сталкивались, «смешивались». Эмансипационная революция лезла в деревню, проводила там реформы, провоцировала и т.д. Процессы, происходившие в общине, безусловно, затрагивали город (разными способами и путями) и всю европеизированную субкультуру в целом. Тем более что барьеры между ними постепенно рушились. Вместе с тем имплицитно общинная револю-

ция была направлена против «русских европейцев», европеизации и модернизации России. Против всего этого «восставали» те ценности, традиции, модели социальной психологии и социального поведения, которые в своей известной работе о русской революции (1906) Макс Вебер квалифицировал как «первобытный коммунизм».

Особо следует подчеркнуть: все три русских революции — Эмансипационная, Общинная и Большевицкая — показали, увы, невысокий моральный квалитет русского народа. Но что особенно обидно — это низкие нравственные стандарты общинников. Ведь это и есть великий, святой и униженно-оскорбленный русский народ, во имя которого и для которого творили и умирали лучшие отечественные сердца и умы! В этой связи можно обратиться к замечательной статье двух казанских авторов В.М. Бухарева и Д.И. Люкшина «Крестьяне России в 1917 году. Пиррова победа общинной революции» (11): «Решающим условием победы общинного “мятежа” явился захват общинниками пахотных земель и изгнание прежних владельцев. Проведенная явочным порядком “социализация” на некоторое время сделала крестьянские миры властителями на земле бывшей Российской империи».

Третий. Большевицкая революция пришла на историческую «площадку», которую ей расчистила (от государства) Эмансипационная революция. Причем пришла в тот момент, когда «эмансипаторы» полностью выдохлись. Это было весной-летом 1917 года. Уже вовсю полыхала Общинная революция, которая не только не мешала, но в высшей степени способствовала большевикам и была ими использована.

Но какова же была субстанция самой большевицкой революции? Как ни странно, при всей культурной элементарности большевизма ответить на этот вопрос сложно. В нем, безотносительно к тому, что думали его идеологи и вожди, было много всего намешано. В этом, кстати, характерная черта большевизма: смесь элементарности со сложным содержанием. Более того, он, с одной стороны, был безусловной идеократией, с другой, — являлся идеологически всеядным. Впитывал в себя множество разнообразных идей, настроений, энергий. В этом отношении большевицкая революция была более сложным историческим явлением, чем Эмансипационная и Общинные революции.

Однако что же все-таки лежало в самой-самой ее сердцевине? — Насилие и упрощенчество (не случайно Г.В. Плеханов назвал Ленина гением упрощенчества). Причем упрощенчество и насилие были универсальными и единственными способами

решения всех вопросов. Ставка делалась на низменное, на слабости человека или социоисторической общности, на больное и наболевшее. Эксплуатация всего этого и есть ленинизм-троцкизм-сталинизм (большевизм). Кроме того, большевикам удалось соединить parroхиальную (приходскую) волостную передельную энергию, общероссийский «дуван» 1917–1918 годов и универсалистский дух европеизированной субкультуры.

Означает ли это, что большевистская революция была русской народной революцией? Да, она была народной. Только совсем не в том смысле, какой мы привыкли вкладывать в это слово. Народность Октября и того, что за ним последовало, в том, что это стало судьбой всех русских, определило жизнь нескольких поколений, воплотило ряд коренных исторических черт, психологических комплексов, утопий русского человека.

Когда пытаются понять, почему все так дурно сложилось в ходе Русской Революции, предъявляют счета интеллигенции, бюрократии, царю, буржуазии, Церкви и т.д. Но никогда — народу

Каких? Сошлюсь на мнение П.Б. Струве. В ноябре 1919 года в Ростове-на-Дону в публичной лекции этот «крестоносец русской свободы» (как назвал его при отпевании о. Сергей Булгаков) заявил: «*Бытовой основой*» (выделено мною. — Ю.П.) большевизма, так ярко проявившейся в русской революции, является комбинация *двух могущественных массовых тенденций*: 1) стремление каждого отдельного индивида из трудящихся масс работать возможно меньше и получать возможно больше и 2) стремление к массовым коллективным действиям, не останавливающимся ни перед какими средствами, осуществить этот результат и в то же время избавить индивида от пагубных последствий такого поведения. Эту комбинацию двух тенденций можно назвать *стихийным экономическим или бытовым большевизмом* (все выделено мною. — Ю.П.) <...>. Но большевизм, как он обнаружился в России, есть не только это, а целое политическое и социально-политическое движение, опирающееся на указанные <...> тенденции и стремящееся, опираясь на них, организовать социалистический строй при помощи захвата государственной власти. Эта комбинация именно осуществилась в России, и в осуществлении ее состояло торжество большевизма...» (12).

Обидно? Но разве это не так? А весь этот «дуван» — грабеж в городе и деревне, процессы разложения

армии, падкость на очевидно демагогические, обманные обещания и призывы невесть откуда взявшихся агитаторов? Все это Струве подметил и точно определил: в соединении с диктатурой это и есть большевизм, торжествующий и победный.

Когда пытаются понять, почему все так дурно сложилось в ходе Русской Революции, предъявляют счета интеллигенции, бюрократии, царю, буржуазии, Церкви и т.д. Но никогда — народу. А не будь этот народ таким, каким он был, никакие ленины-зиновьевы и сталины не победили бы. Мы можем успокоиться: это относится и ко всем другим народам. Например, к немецкому. Там все дело было не во «взбесившемся и нетесаном плебее» (Т. Манн о Гитлере) и его банде, а в великом, гениальном, музыкальном, просвещенном, трудолюбивом немецком народе.

О русском народе Струве позднее писал, что гражданская война была состязанием двух сил, при том, что настроения простонародья колебались, как колеблется погода (13). И в этом смысле Большевистская революция была народной. ■

Примечания

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 28. М., 1962, С. 406.
2. Швырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914–1917). М., 2007.
3. Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 363.
4. Герцен А.И. Избранные философские произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1948. С. 267.
5. Пайпс Р. Создание однопартийного государства в Советской России (1917–1918) // Минувшее: Исторический альманах. М., 1991. С. 91.
6. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С. 329.
7. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 21. М., 1985. С. 259–260.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 12. М., 1960. С. 701.
9. Троцкий Л.Д. История русской революции. Т.1. М., 1991. С. 24.
10. Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией. М., 2007. С. 78.
11. Бухарев В.М., Люкшин Д.И. Крестьяне России в 1917 г. Пиррова победа общинной революции // Октябрьская революция: От новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 131–142.
12. Струве П.Б. Размышления о русской революции. София, 1921. С. 11–12.
13. Мосты: Сборник статей к 50-летию русской революции. Мюнхен, 1967. С. 205.